

Омар
Хайям

РУБАИ

Москва
«Русский Раритет»
2002

ББК 84
X-12

Составитель
Лауреат Международной
премии Фирдоуси
Шанслам Шамухамедов

*Издается с разрешения
издательско-полиграфического
концерна «ШАРК» (Ташкент)*

Хайям О.

X-12 РУБАИ. – ИПЦ «Русский Раритет»,
2002. – 240с. – (Мудрость веков).

В книгу вошли лучшие переводы на
русский язык четверостиший выдаю-
щегося поэта и ученого восточного
средневековья Омара Хайяма.

ISBN 5-7034-0129-1   ББК 84

© ИПЦ «Русский Раритет», оформление, 2002.

ОМАР ХАЙЯМ –
УЧЕНЫЙ, МЫСЛИТЕЛЬ, ПОЭТ

Омар Хайям Гиясаддин Абу-ль-Фатх (ок. 1048 – после 1122) – персидский и таджикский поэт, математик, философ и астроном. Родился и умер в Нишапуре, ныне это территория Ирана. Большую часть жизни провел в Балхе, Самарканде, Исфахане и других городах Средней Азии и Ирана.

В своих философских воззрениях был последователем Аристо-

теля и Ибн Сины (Авиценны). До наших дней дошли его математические сочинения, которые характеризуют Хайяма как выдающегося ученого. В трактате «О доказательствах алгебры и алмукабалы» в геометрической форме он дал систематическое изложение решения уравнений до третьей степени включительно. Трактат «Комментарии к трудным постулатам книги Евклида» содержит оригинальную теорию параллельных. В трактате «Об искусстве определения количе-

ства золота и серебра в состоящем из них теле» он рассмотрел известную классическую задачу, решенную Архимедом. Ему принадлежит ряд работ в самых разных областях науки, содержащих ценнейшие открытия, не утратившие своего значения и в наши дни.

Однако всемирную известность Омар Хайям получил как автор цикла четверостиший – «Рубайят». До сих пор ученые еще не решили вопрос, какие из приписываемых Хайяму четверости-

ший доподлинно принадлежат ему. Более или менее твердо можно признать атрибуцию 66 рубаи, содержащихся в наиболее древних списках.

Разительно выделяясь из общего русла развития персидской лирики, поэзия Хайяма лишена вычурных образов, витиеватости; она функционально связана с кругом мотивов его философии: трава, произрастающая из праха умерших, символизирует вечный круговорот материи; гончар, гон-

чарная мастерская и кувшины – взаимоотношения между творцом, миром и личностью; культ вина, прославление гуляки-вольнодумца и отрицание загробной жизни дают ему возможность острой полемики с религиозными догмами.

- Художественный стиль четверостиший отличают предельная емкость, лаконичность, простые изобразительные средства, гибкий ритм.

В средневековой персидской и

таджикской поэзии Омар Хайям – единственный поэт, в стихах которого лирический герой предстает как самостоятельная личность. Его герой – бунтарь и богоборец, противник насилия, подвергающий сомнению религиозную догму о божественно-разумном устройстве мира.

Рубаи – эта сложная поэтическая форма, доведенная Омаром Хайямом до совершенства, – близка и понятна многим поколениям читателей.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Когда Хайяма станешь
изучать,
Ты там найдешь иных
времен печать.
Сквозь сито разума твоего
мудрость ты просей –
Добро и зло ты будешь
различать.

Вот снова день исчез,
как ветра легкий стон,
Из нашей жизни, друг,
навекы выпал он.
Но я, покуда жив,
тревожиться не стану
О дне, что отошел, и дне,
что не рожден.

Откуда мы пришли?
Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл?
Он нам непостижим.
Как много чистых душ
под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах,
а где, скажите, дым?

Лепящий черепа
        таинственный гончар
Особый проявил к сему
        искусству дар:
На скатерть бытия он
        опрокинул чашу
И в ней пылающий зажег
        страстей пожар.

Гора, вина хлебнув, и то
пошла бы в пляс.
Глупец, кто для вина лишь
клевету припас.
Ты говоришь, что мы
должны вина чураться?
Вздор! Это дивный дух,
что оживляет нас.

Благоговейно чтят везде
стихи Корана,
Но как читают их?
Не часто и не рьяно.
Тебя ж, сверкающий
вдоль края кубка стих,
Читают вечером, и днем,
и утром рано.

Дивлюсь тебе, гончар,
    что ты имеешь дух
Мять глину, бить, давать ей
    сотни оплеух,
Ведь этот влажный прах
    трепещущей был плотью,
Покуда жизненный огонь
    в нем не потух.

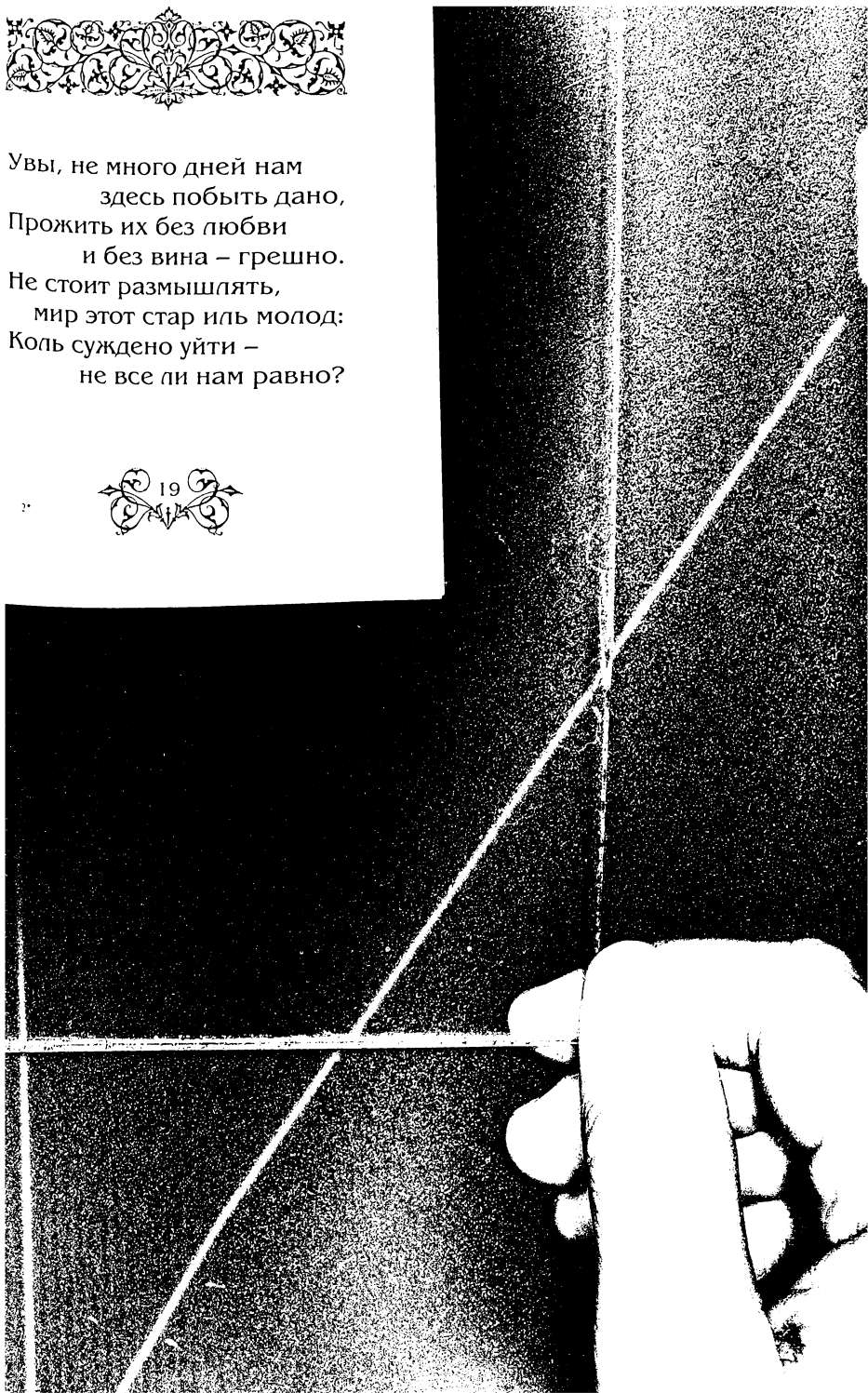

Увы, не много дней нам
здесь побыть дано,
Прожить их без любви
и без вина – грешно.
Не стоит размышлять,
мир этот стар иль молод:
Коль суждено уйти –
не все ли нам равно?

27

Запрет вина – закон,
                    считающийся с тем,
Кем льется, и когда,
                    и много ли, и с кем.
Когда соблюдены все эти
                    оговорки,
Пить – признак мудрости,
                    а не порок совсем.

Как долго пленными нам
    быть в тюрьме мирской?
Кто сотню лет иль день
    велит нам жить с тоской?
Так лей вино в бокал,
    покуда сам не стал ты
Посудой глиняной
    в гончарной мастерской.

Налей, хоть у тебя уже
усталый вид,
Еще вина: оно нам жизнь
животворит.

О мальчик, поспеши!
Наш мир подобен сказке,
И жизнь твоя, увы,
без усталости бежит.

